

Все, кто находился в машине управления, увидели сцену, которую не забудут до конца своих дней.

Линь Цзяньцзюнь, пятьдесят пять лет, в звании генерал-полковника, первый директор Национального бюро по защите особых талантов. Этот старый военный, известный в военном округе по прозвищу Железный Ямакаси, в этот момент одной рукой опирался на пульт управления, а другой сжимал микрофон шифрованной телефонной связи. Вены на тыльной стороне его руки вздулись, а костяшки пальцев побелели от чрезмерного усилия.

Его пальцы дрожали.

И не просто слегка — его всего колотило, как от лихорадки: от кончиков пальцев до запястья, от запястья до плеча. Телефонная трубка отчаянно раскачивалась в его руке, и ему пришлось мертвой хваткой вцепиться второй рукой в собственное запястье, чтобы она не выпала.

— Командир, — его голос дрожал, но каждое слово было выбито с железной чеканкой, — это не террористы. Не банда. Не заграничные силы. Это один человек — ребенок.

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина.

— Ребенок? — голос высшего руководства звучал ровно и неторопливо, с тем спокойствием, какое бывает лишь у людей, повидавших на своем веку любые бури. — Сколько лет?

— Семь.

— Семь?

— Семь с половиной. Девочка. Только что пошла в первый класс.

Линь Цзяньцзюнь на секунду прикрыл глаза, словно собираясь с силами, а затем выпалил на одном дыхании:

— Она за пять минут написала кустарным способом вирус на отключенном от сети ноутбуке и взломала все электронные устройства в комнате допросов. Включая камеры наблюдения, систему контроля доступа, боевую систему машины управления и личный телефон старика Чжоу.

Он сделал паузу и глубоко вздохнул.

— Она сказала, что в операционной системе Windows слишком много уязвимостей, и попутно помогла нам исправить двенадцать штук. Эксперт Чжоу подтвердил: каждую из них она починила лучше, чем официальный производитель, компания Microsoft.

Спокойствие на том конце провода испарилось. На смену ему пришла тишина с приглушенным дыханием.

Линь Цзяньцзюнь больше не мог сдерживать голос, словно прорвало плотину: бурный поток эмоций рвался наружу из-за каждого слова:

— Номер Первый, мы сорвали джекпот! Это не террористы, это гений! Гений, рождающийся раз в тысячу лет! Она пишет код так же легко, как разговаривает! Ей даже не нужно думать! Ей всего семь лет! Семь!

Последние два слова прозвучали почти как рев.

Все в машине управления опустили головы, делая вид, что заняты своими делами. Кто-то усердно стучал по клавиатуре, чей экран уже был оккупирован маленькими котятами, кто-то изучал потолок, выискивая модель лампы дневного света, и все до единого с поразительным единодушием делали вид, что не слышат потерявшего самообладание Линь Цзяньцзюня.

Но все до единого наострили уши.

Прорывав последнюю фразу, Линь Цзяньцзюнь и сам замер. Он понял, что только что повысил голос слишком сильно — настолько, что крик вполне мог вырваться наружу из машины управления. Он на миг зажмурился, глубоко вздохнул и заставил себя унять дрожь в голосе.

— Прошу прощения, Номер Первый. Я потерял самообладание.

На том конце провода долго хранили молчание. Так долго, что Линь Цзяньцзюнь даже решил, будто связь оборвалась, опустил глаза на трубку, а затем снова прижал ее к уху.

И тогда он услышал те самые слова.

— Защитите ее, — голос Первого вновь обрел невозмутимость, но в этой невозмутимости появилась дополнительная, стальная жесткость. — Не позволить упасть с ее головы ни единому волоску. С этой минуты она — объект государственной охраны высшей категории. Все контактировавшие с ней подписывают соглашение о неразглашении, все касающиеся ее материалы переводятся в категорию особой важности. Вы лично несете за это полную ответственность и докладываете напрямую мне.

— Есть!

— И еще, — на том конце сделали паузу, — пусть она сначала остановит этот кошачий вирус.

Положив трубку, Линь Цзяньцзюнь не сразу отнял руку от телефона. Он стоял на месте,

опустив голову, и его плечи слегка вздымались, словно он пытался выровнять дыхание. Остальные в машине управления украдкой переглядывались, не смея первыми нарушить молчание.

Затем Линь Цзяньцзюнь шевельнулся.

Он резко развернулся и обвел взглядом всех присутствующих. Его глаза все еще слегка покраснели, но во взгляде уже вернулась привычная острота. Это был особенный взгляд закаленного в боях генерала, способный за секунду усмирить любую бурю.

— Слушайте все.

Голос его звучал негромко, но каждое слово врезалось в воздух, как стальной гвоздь.

— Все события сегодняшней ночи подлежат строжайшей секретности. Тот, кто посмеет разгласить хоть слово, отправится под трибунал лично моим приказом. С этой минуты тот ребенок переходит под юрисдикцию нашего Бюро по защите особых талантов. Отныне и впредь именовать ее исключительно академик Юэ. Никаких подозреваемая, никаких ребенок, и тем более никаких неуважительных прозвищ. Она академик, и ваше отношение к ней должно быть даже более почтительным, чем ко мне.

Он сделал паузу, и его взгляд скользнул по стоявшему в углу командиру штурмовой группы.

Командир машинально выпрямил спину, с трудом проглотив рвавшееся с языка но.

— Старый Ван, с какой силой ты вышибал дверь в ее дом?

Лицо командира дернулось.

— Докладываю, Номер Первый: стандартное усилие для взлома... но дверная коробка оказалась посредственного качества, весь механизм замка...

— Починить, — оборвал его Линь Цзяньцзюнь. — До рассвета дверь ее дома должна быть лучше прежней. Замок установите самого высокого класса защиты. Проконтролируешь лично.

— Есть!

Линь Цзяньцзюнь развернулся, чтобы выйти, но через пару шагов замер. Оглядев всех вокруг, он внезапно нахмурился:

— Кто-нибудь догадался принести ей еды?

Никто не ответил.

— Деревенщины бестолковые! — в редком порыве выругался Линь Цзяньцзюнь, чей тон выдавал смесь неподдельной ярости и болезненной жалости. — Вытащили чужого ребенка посреди ночи из теплой постели на допрос, а элементарно чашку кипятку додумались ей предложить?

Он резко повернулся к своему адъютанту:

— Сяо Лю, сбегай в ту круглосуточную пельменную у перекрестка, возьми порцию мини-пельменей со свежим мясом. Без сушеных креветок — этот ребенок их не ест.

Адъютант замер на полсекунды, а затем сорвался с места и пустился бежать.

Линь Цзяньцзюнь потер переносицу и большими шагами направился к комнате допросов. У самой двери он внезапно остановился и опустил взгляд на собственные руки.

Руки все еще дрожали.

Но это была уже не та неконтролируемая от возбуждения дрожь. Теперь дрожь напоминала трепет в ступнях путника, который всю жизнь брел по пустыне и внезапно наткнулся на оазис.

Он вспомнил, как в 2008 году во время инспекции ядерного полигона в Гоби встретил группу старых ученых, которые безвылазно просидели на базе двадцать лет. Тогда они сказали ему фразу: наша страна слишком долго ждала настоящего гения.

Слишком долго.

Линь Цзяньцзюнь поднял руку и с силой потер лицо. После чего распахнул дверь комнаты допросов.

Едва дверь отворилась, он увидел, как тот самый гений, рождающийся раз в тысячу лет, сидит на корточках на полу и белой пластмассовой палочкой от чупа-чупса ковыряет муравья. На рукаве ее розовой пижамы красовалось пятно пыли, одна косичка забавно скособочилась, а сама она что-то бормотала себе под нос:

— Муравьишка, не бойся, я перенесу тебя сюда, а когда людей станет поменьше, сможешь спокойно ползти домой, а не то тебя затопчут.

Су Лань сидела на корточках рядом с ней, одной рукой словно прикрывая ей спину, а в другой держала розовую принцессную чашку, из которой Юэ Сяоюэ пила воду. Услышав скрип двери, Су Лань подняла голову: в ее глазах читались напряжение, настороженность и проблеск

растерянности перед лицом происходящего.

Линь Цзяньцзюнь посмотрел на эту девчущку с растрепанной косичкой и внезапно сообразил, что не знает, с чего начать.

За свою жизнь он отдавал боевые приказы, руководил совместными учениями, громил оппонентов на оборонных совещаниях и никогда не испытывал робости. Но сейчас, стоя перед семилетней девочкой, он вдруг понял, что совершенно не представляет, что сказать.

Заявить: ты совершила великий подвиг? Ей же всего семь лет.

Заявить: ты натворила бед? Она понятия не имеет, что натворила.

Помолчав с добрую минуту, он наконец подошел к Юэ Сяюэ и присел на корточки.

Генерал-полковник опустил на корточки перед маленькой девочкой в пижаме.

— Ты ведь проголодалась? — он попытался сделать голос как можно мягче, но глубокий баритон все равно испугал Юэ Сяюэ. Она слегка отпрянула назад, с опаской глядя на незнакомого дедушку, а Су Лань инстинктивно придвинула ее ближе к себе.

— Вы кто такой? — Юэ Сяюэ склонила голову набок, разглядывая его. — Вы тоже пришли меня допрашивать?

Уголки губ Линь Цзяньцзюня дернулись в попытке улыбнуться, но улыбка не вышла. Он покачал головой:

— Нет. Я пришел сказать тебе спасибо.

Глаза Юэ Сяюэ засияли:

— За что спасибо? Разве мои котята такие милые?

Линь Цзяньцзюнь бросил взгляд на еще не пришедший в норму экран монитора на стене допросной, где три розовых котенка по-прежнему синхронно крутили задами. Он глубоко вздохнул:

— Да, очень милые. Но не могла бы ты попросить их остановиться? Многим из нас нужно смотреть на мониторы, а сейчас из-за них ничего не видно.

Юэ Сяюэ подумала и кивнула:

— Ладно. Но тогда велите тем дядям больше не тыкать в меня такими большими игрушками, мне это не нравится.

Игрушками.

Очевидно, она имела в виду штурмовые винтовки.

Линь Цзяньцзюнь тяжело кивнул:

— Договорились.

Удовлетворенная ответом, Юэ Сяюэ подошла к ноутбуку и пару раз стукнула по клавиатуре. Меньше чем через три секунды экраны по всей машине управления, в комнате допросов и на всех электронных устройствах в радиусе пятисот метров одновременно вернулись в штатный режим. Мониторы заработали, замки разблокировались, а боевая система на машине управления перестала мигать.

Из машины управления донесся вздох технического специалиста, похожий на вздох чудом спасшегося человека.

Линь Цзяньцзюнь поднялся на ноги и посмотрел на Су Лань. Взрослые обменялись взглядами: в глазах Су Лань читалась буря вопросов и тревоги, и Линь Цзяньцзюнь прекрасно понимал, как сильно она жаждет получить ответы.

— Товарищ Су Лань, — голос Линь Цзяньцзюня прозвучал предельно торжественно. — Отныне вы и ваша дочь находитесь под государственной защитой.

Су Лань приоткрыла рот, но не успела ничего спросить, как в конце коридора послышался топот быстрых шагов. Адъютант Сяо Лю прибежал с контейнером на вынос, весь в поту и едва переводя дыхание, и постучал в открытую дверь допросной.

Линь Цзяньцзюнь принял контейнер, шагнул к Юэ Сяюэ, присел и открыл коробку прямо на столе. Оттуда повалил пар, и по комнате допросов разнесся аппетитный аромат свежих пельменей.

Глазки Юэ Сяюэ мгновенно загорелись, она качнула головкой вперед, едва не ткнувшись носом прямо в бульон.

Линь Цзяньцзюнь протянул ей пластиковую ложку:

— Со свининой, без креветок.

Юэ Сяюэ взяла ложку, зачерпнула пельмешек и запихнула в рот так, что ее щеки раздулись, как у хомяка. Она пробормотала что-то неразборчивое, разобрать которое было невозможно.

Но все увидели, как она улыбнулась.

Глядя на ее улыбку, Линь Цзяньцзюнь неожиданно отвернулся и с силой протер глаза.

<http://bllate.org/book/22405/2351858>